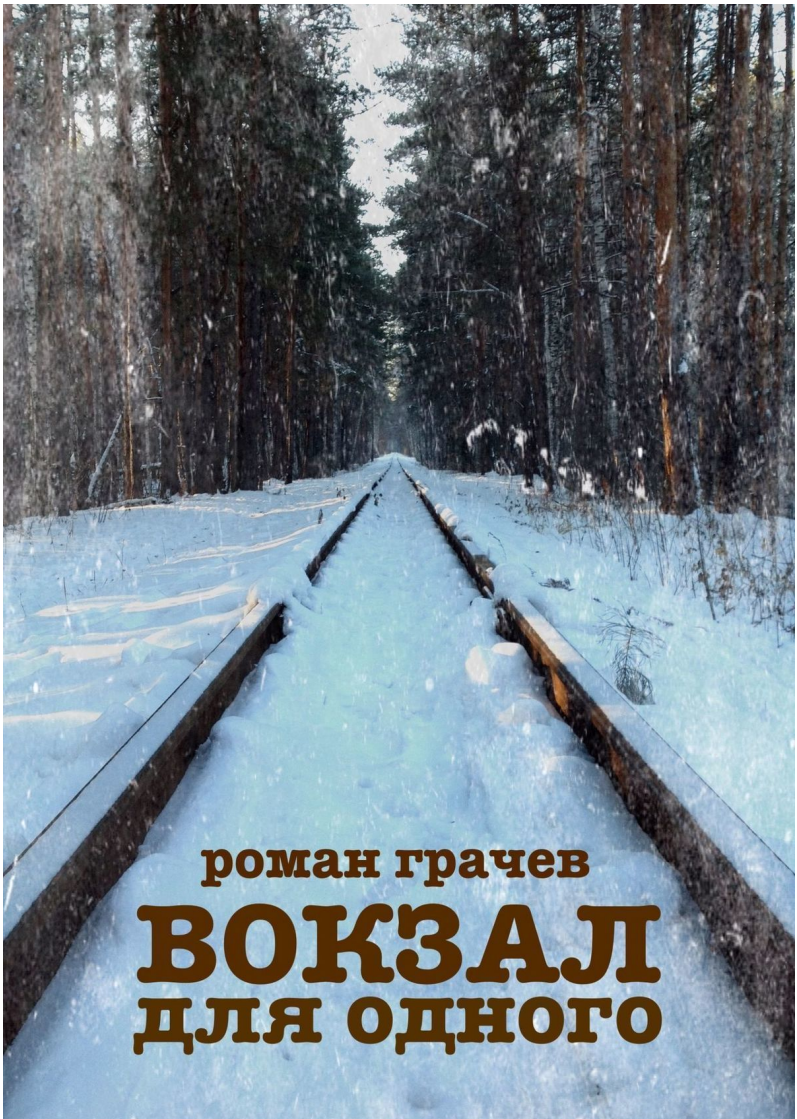

роман грачев

ВОКЗАЛ ДЛЯ ОДНОГО

Роман Грачев
Вокзал для одного

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17206922
ISBN 9785447446895

Аннотация

Не у всех новогодних сказок счастливый конец…Сергей N молод и устроен в жизни. Обаятелен и эрудирован. Любит повеселиться и обращает внимание на красивых женщин. Ему хорошо.Но все это – видимость. Изнутри его пожирает одиночество. Бывшая жена и сын забыли его, телефон молчит, вокруг снуют незнакомые люди.Сергей в преддверии Нового года торчит на железнодорожном вокзале, ожидая Сбежавшую Любовь. Он потерял счет времени, и порой ему кажется, что он останется здесь навсегда. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Она уехала… 5
День седьмой, 25 декабря. Надька 13
День шестой, 26 декабря. Папка 50
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Вокзал для одного

Роман Грачев

© Роман Грачев, 2019

ISBN 978-5-4474-4689-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Она уехала…

– Просыпаемся!

Кто-то энергично и даже довольно грубо дергал меня за плечо. Такую фамильярность могли себе позволить только они… Стражи Порядка. Я открыл глаза.

Так и есть. Стояли надо мной два молодых сержанта. Время от времени сержанты подходят ко всем, как посланцы Страшного Суда. Они, наверно, сочли меня подозрительным – на железнодорожном вокзале таковым может стать любой, кто шатается без багажа и без дела, особенно под Новый год. Здесь можно ждать поезда, сидя на втором этаже с большим баулом, читать газету на конкорсе, кушать в кафетерии пельмени, опасливо прижимая ногами спортивную сумку… но просто так смотреть на уходящие поезда нельзя. Это ненормально, это вызывает вопросы.

Я протер глаза, поднялся с пластикового кресла, выжидающе уставился на непрошеных гостей.

– Документы можно ваши? – вежливо спросил один сержант. Я вытащил из внутреннего кармана пальто паспорт.

– Билеты есть? – почти без паузы последовал второй вопрос.

– Какие билеты? – якобы не понял я, хотя на самом деле, конечно же, догадался, что речь идет о билетах на ожидаемый поезд, своеобразной индульгенции, позволявшей мне

безнаказанно шататься по вокзалу.

– Проездные документы, – пояснил сержант.

– Нет билетов.

– Тогда что вы здесь делаете?

Они смотрели на меня из-под козырьков своих милицейских бейсболок и ждали ответа. Два бойца переднего края войны с международным терроризмом на железнодорожном транспорте – голубоглазые, пытливые… слишком нелепые, чтобы их бояться.

Я не мог обмануть ожиданий. Это было глупо, конечно, но человек преимущественно состоит из глупостей.

– Ищу место, чтобы спрятать бомбу.

Патрульные отреагировали предсказуемо – взяли меня под локотки и отвели в опорный пункт милиции.

Отдел находился в здании старого вокзала у самого конца первой платформы. Возле двухэтажного особняка, построенного в конце девятнадцатого века (или в начале двадцатого, точно не скажу, ибо не эксперт), обычно останавливались хвостовые вагоны моего любимого красного поезда, следующего до Москвы. Я шел по этой платформе в сопровождении сержантов с бешено колотящимся сердцем. Где-то тут у стены несколько дней назад стоял я, наблюдая, как улетает на поезде в ночь *моя любимая*…

Опорный пункт встретил меня неласково. Не знаю, куда пропадают деньги, выделяемые из бюджета щедрым правительством на силовые структуры, но комната, в которой ме-

ня привечали стражи порядка, отдавала пахучим и неистребимым совком. Бетонный пол с мраморной крошкой, серый кафель с отбитыми уголками, трухлявые деревянные двери. Стоявшая на тумбочке в коридоре маленькая искусственная елочка, украшенная обглоданной мишурой, выглядела в этой обители правосудия нелепым артефактом. Я не хотел, чтобы меня допрашивали здесь.

– Вип-обслуживание по другому тарифу, – откликнулся добродушно на мои стенания один из сержантов. – Оплатишь – мы не возражаем.

Еще бы они возражали.

Дежурный по вокзалу, толстый потеющий капитан по фамилии Самохвалов (если табличка на внешней стороне двери не врала), восседал в маленькой комнате в конце коридора. Компанию ему составляли три стула с засаленной зеленой обивкой, деревянный шкаф с бумагами и маленький сейф в углу за спиной. Витал ядреный запах перегара. Щедрая длань правительства не сумела нащупать этот закуток правоохранительной системы, как ни старалась.

– Пошутил, значит, – пропыхтел капитан, изучив документы и выслушав мои жалкие оправдания насчет бомбы. – За такие шутки знаешь что бывает?

– Догадываюсь.

– Твое счастье, что только догадываешься.

Он посмотрел на меня пристально, насколько позволяло похмельное переутомление. Выудил из ящика стола боль-

шую шипучую таблетку и растворил ее в стакане воды. Подозреваю, что сегодня как минимум однажды он эту процедуру уже проделывал.

Мы остались в кабинете вдвоем, сержанты отправились на поиски новых жертв.

– Я тебя уже видел, – сказал капитан, поставив рядом пустой стакан. – На прошлой неделе… и позавчера. Вроде приличный парень. Чего на вокзале торчишь? Жить негде?

Я больше не собирался шутить. У простого российского гражданина желание трепать языком обратно пропорционально количеству и размеру звездочек на погонах.

– Жду поезда, – сказал я.

– Ну да, как я мог не догадаться. – Капитан неспешно закурил. – Я ведь все время считал, что здесь у нас «Боинги» приземляются. Какого поезда можно ждать так долго, юноша?

– Есть такие поезда.

– А расписание? В интернете найди. Зачем таскаться по вокзалу целую неделю?

Капитан отнюдь не злился. Наоборот, стремительно добрел. Цвет его щек приобретал розовый оттенок, в глазах появился блеск. Наверно, сегодня вечером он вновь приползет домой на бровях.

– Я не целую неделю таскаюсь.

– А сколько?

– Больше.

Капитан хмыкнул. Потянулся к сейфу и, неуклюже балансируя на двух ножках стула, достал из него початую бутылку водки. Затем присовокупил к своему опустевшему стакану еще один и вальяжно, словно барин в трактире, наполнил оба.

Я вздохнул.

– Закуски не предлагаю, хотя могу послать сержанта, если хочешь.

Я покачал головой.

– Тогда пей и рассказывай.

– Что рассказывать?

– Все.

– А если не хочу?

– А пятнадцать суток? Или, может, экстремизм? Под Новый год экстремизм очень неплохо идет.

Глаза капитана блестели весельем, но голос не обманывал. Мне пришлось выпить.

– С наступающим, – сказал Самохвалов.

Впервые в жизни пил с ментом при исполнении.

«Рассказать все»…

А что именно – все?

Мне 37. В юности казалось, что никогда столько не будет – странная, загадочная комбинация цифр. Ведь еще школьником я точно знал, что до сорокалетия мне как до Америки на резиновой лодке с двумя маленькими веслами, но вот оно,

сорокалетие, перед носом, а я даже не могу вспомнить, чем занимался все прошедшие годы. Практически половина жизни, а уцепиться не за что.

Был женат. Увы, разведен. Супружество не принесло особого удовольствия ни мне, ни моей второй половинке. Винить можно только себя. Если ты от природы психически здоров и адекватен, то с каждым годом жизни обязательно должен становиться умнее, мудрее, лучше – как вино, томящееся в подвале старого французского поместья. Все время думаешь: вот меня бы нынешнего засунуть в того балбеса, который энное число лет назад ухаживал за этой девушкой, читал ей глупые стихи, неумело любил, потом женился, ревновал, выстраивал вокруг себя глухие стены отчуждения, пьянствовал… Но, увы, как пел Макс Леонидов, все-таки не зря устроил Бог, что в прошлое нельзя написать письмо.

Есть у меня и сынок, двенадцатилетний ушастый оболтус. Занимается борьбой, слушает «Раммштайн», учится на «четверки». Наверно, любит меня в глубине души. Регулярно звонит, справляется, хорошо ли я себя чувствую («Не дождетесь», – отвечаю в шутку и радуюсь, что он не видит моего лица). Еще он спрашивает, много ли я пью. Сомневаюсь, что его это искренне интересует. Все дело в его матери, которая до сих пор, седьмой год после развода, убеждена в своем святом долге и праве заботиться обо мне. Верка, видите ли, «несет за меня ответственность», как Маргари-

та Хоботова из «Покровских ворот», перед гипотетической женщиной, которой она могла бы со спокойной душой меня вручить. Глупость. Я сам себя обеспечиваю. Обстирываю, обглаживаю, готовлю завтраки и ужины, и очень неплохо, между прочим. Смогу определить характер боли в брюшной полости и найти соответствующий лекарственный препарат. Всегда сумею отыскать телефон необходимой коммунальной службы. Словом, я в полном порядке, ребята.

Но бывшая жена моя никогда не отказывает себе в удовольствии натравить сына: «Спроси, как себя чувствует и много ли пьет?». Заботливая моя…

Много ли я пью? Нет. В обычной жизни – лишь по ярким поводам или с друзьями, как все среднестатистические россияне, пребывающие в коллективной социальной депрессии. Иногда меня можно ругать и даже помещать в вытрезвитель, но лучше оставить в покое, потому что бывают случаи и похуже.

Много и страшно я пью лишь в Новый год, потому что хочу, чтобы этот праздник прошел как можно быстрее. Чтобы я уснул 30-го декабря, а проснулся в Крещение. Новый год без любимого человека – это пытка, а не праздник. Чудовищная пытка. Изо всех говорящих и поющих дыр в эти дни мне обещают волшебство, чудеса, сбычу мечт и невероятное счастье, но все это ложь.

Ничего не будет. Волшебству конец.

Я не знаю, где мой любимый человек. Она не оставила

записок и ничего не сказала, но я привык, что обычно она возвращается. Наверно, мне снова остается лишь ждать. Она всегда уходит молча. Сегодня она есть, завтра – нет, и лишь монитор компьютера бледнеет перед моим озадаченным взором. Монитору стыдно, он мне сочувствует, но ничего не может поделать, потому что он просто пластиковая дощечка, наполненная технологической жидкостью.

Впрочем, возвращаясь, моя любимая сбивчиво пытается объяснить мотивы своего поступка, но так неуклюже и трогательно, что мне хочется ее обнять… задушить в объятиях, как киношный Коммод в порыве поруганной сыновней любви задушил Марка Аврелия. Она возвращается и сообщает: «Прости, так получилось, мне было очень тяжело».

Ага, ей тяжело. А мне, видимо, так легче, умница моя.

В общем, она все время возвращалась, а я все время прощал. По большому счету, она передо мной и не виновата вовсе, потому что ничем мне не обязана. Она в мою жизнь не просилась, не искала меня, не звала – я сам явился. На кого обижаться?

Но в последний раз она не просто ушла. *Она уехала*. Укатила на поезде. Иногда мне кажется, что я уже не помню номера и маршрута следования, потому что провел на вокзале чертову уйму времени. Иногда мне кажется, что я тут родился. И умру здесь…

День седьмой, 25 декабря. Надька

На вокзале мне вполне комфортно. Он большой, просторный и почти пустынный, если не считать одиночных всплесков активности отбывающих, прибывающих и транзитных пассажиров. На каждом углу – автомат с кофе и чаем, кафетерий, магазин. Хоть ешь, хоть пей, хоть спи. По случаю приближения Нового года везде мишура, большие елочные шары, висящие на невидимых нитях, у служителей и работников буфетов на макушках шапочки Санта-Клауса. Единственное не праздничное, но праздное исключение – зевающие бездельники из охранного агентства «Богатырь». Им бы тоже колокольчики в нос…

В кафетерии на втором этаже вокзала, на самом конкорсе, что нависал прямо над поездами, присел я за столик к мужчине. Не сказать, что бродяга, но явно не очень обласканный жизнью. Лет сорока, небритый, с гривой рыжих волос, выбивавшихся из-под вязаной шапочки. Он сидел в углу возле небольшого кафе посередине тоннеля, спиной к окну, и поедал длинный аппетитный сэндвич. Запивал чаем. Минуту назад я умирал от голода, но увидев, как можно расправляться с едой – жадно, стремительно, как лев в саванне расправляется с раненой ланью – я почти потерял аппетит. Я поставил на край стола бутылку пива, положил рядом бутерброды с ветчиной. Вздохнул:

– Не помешаю?

Рыжий, собиравшийся откусить булку, замер с раскрытым ртом. На ожидание ответа, казалось, ушла целая вечность.

– Здесь не так много столиков, а свободный вообще только у вас, – пояснил я.

– Как будет угодно, сэр.

Против такого обращения я ровным счетом ничего не имел. Присел, налил пива в стакан и стал пить.

За окном прямо под нашими ногами стоял пассажирский поезд. Кто-то спешил на посадку, кто-то курил возле вагонов, кутаясь в тонкие одежды. Проводницы в форменных тулупах поеживались. Мороз сегодня выдался знатный, а в поезде, наверно, тепло и уютно. Интересно, куда он идет? С моей позиции я не мог прочесть табличку на боку, но предполагал, что в какой-нибудь солнечный Адлер. Неоднократно подмечено: когда мне паршиво и одиноко, проходящие мимо поезда всегда идут в Адлер, будто никаких других городов на свете нет.

Рыжий доел бутерброд, запил его чаем. Я всей душой надеялся, что он не станет беседовать.

– Пиво с утра? – спросил он.

– Разве утро?

– Половина второго.

– Ну, значит полдень. Святое дело.

– «В рабочий полдень я проснулся стоя, – продекламировал рыжий, – опять матрас попутал со стеной»…

Он немного помолчал, а потом сделал то, чего я опасался больше, чем разговора. Он представился:

– Павел Арсеньевич Кутепов. Интеллигент в третьем поколении. Филолог, философ, филантроп, филофонист, фольклорист, футболист… в общем, фантастическое фуфло, если разобраться. Следую проездом из Петербурга в Омск. Поиздержался в пути, денег осталось лишь на завтраки, туалет и камеру хранения.

– А билеты?

– Билеты при мне, разумеется… Ах, не пугайтесь, – поспешил он пояснить, правильно расшифровав гримасу на моем лице, – я не бродяга, который станет просить у вас десятку на борьбу с печенью. У меня скоро поезд на Омск.

Я кивнул. Первое впечатление от незнакомца постепенно отпускало, и я потихоньку приступил к трапезе. Бутерброды оказались вкусными, не говоря уже о пиве.

– С кем имею честь, если не секрет?

Я посмотрел на него. Рыжий с приветливой улыбкой ожидал ответа. Чем-то он напоминал молодого Ричарда Дрейфуса, охотника на акул в культовых «Челюстях» Спилберга. Не хватало лишь бороды и очков.

– Сергей.

– Очень приятно. Куда-то едете?

– Нет.

– Вернулись?

– Нет.

Он сделал перерыв. Посмотрел в окно. Стоянка «поезда в Адлер» закончилась, вагоны тронулись и медленно поплыли на север.

– Что ж, тогда я вас понимаю. Железнодорожный вокзал – самое подходящее место для тех, кто любит одиночество. Лучше вокзала может быть только сам поезд, уносящий на запад.

На его лице застыла улыбка учителя музыки, пытающегося познакомить постмодернистских шестиклассников с творчеством Гайдна.

– Вы женаты, Сергей?

Я вздохнул.

– Разведен.

– Поздравляю… или сочувствую. Впрочем, верны оба варианта. Брак в той же степени благо, в какой и зло.

Он стал медленно и элегантно потягивать чай, словно в стакане не чай вовсе, а бренди двенадцатилетней выдержки, а сам он не в буфете железнодорожного вокзала, а на верхней палубе парохода, плывущего в Эдем.

Счастливый парень. Завидую таким.

Через час мы были уже приятелями. Паша не отказался от небольшого графина водки, чем окончательно расположил меня к себе. Я не считаю отношение к алкоголю мерилом человеческой добродетели, но мужик, полностью равнодушный к спиртному, вызывает у меня подозрения, природа

которых мне не совсем ясна.

Кстати, мы как раз об алкоголе и говорили.

– Смотри сюда, дружище, – сказал Павел, поднимая пластиковый стаканчик с прозрачной жидкостью. – Представь, тебе говорят, что ты никогда больше в жизни не захочешь его хлопнуть. Тебя не кодируют, ты сам не совершаешь над собой никакого насилия, ибо самоистязание еще никогда не приносило положительных результатов. Просто говорят, что ты навсегда и без всяких мучений избавляешься от алкогольной зависимости. Страшно?

Я подумал немного и утвердительно кивнул. Вещи, о которых он говорил, пожалуй, пугали меня.

– Конечно, страшно, – согласился филолог-филофонист. – Ты прекрасно понимаешь, что алкоголь губителен, что твоя печень бунтует, сосуды стонут, требуя свободы от этой гадости… но ты также думаешь и о том, что без алкоголя никогда не сможешь испытать удовольствия от общения с друзьями в боулинг-клубе. Не оттянешься с пивком и соленой рыбкой в бане. Не ощутишь легкости бытия от первого глотка шампанского в новогоднюю ночь. Много всяческих лишений ожидает тебя впереди, и ты не готов платить такую цену за здоровье организма.

Павел посмотрел на меня с прищуром, оценивая реакцию. Стаканчик подрагивал в руке.

– Жестоко, – выдохнул я.

– Возможно, – согласился Кутепов. – Но есть и масса плю-

сов. Загибай пальцы: тебе не придется блевать по утрам над унитазом; тебе не угрожает пробуждение в вытрезвителе под драной простыней и в собачьем холоде; ты не облажаешься на важном банкете, перебрав халявного виски; тебе не будет стыдно перед друзьями, близкими и самим собой, потому что ты никому не наговоришь с перепоя гадостей и не наделаешь глупостей. В конце концов, ты не сядешь пьяным за руль и никого не убьешь. И это называется – СВОБОДА!

Павел залпом осушил стакан и даже не закусил.

– С любовью, друг мой, происходит то же самое. Избавление от любви сродни излечению от алкоголизма. Нет любви – нет ревности, нет подозрений, напрасных ожиданий, необходимости постоянно быть в тонусе. *Нет любви – нет боли.*

– Но нет и радости.

– Неужели? – Павел усмехнулся. – Согласен, ты сейчас похож на радостную морскую свинку, получившую порцию свежей морковки.

– Перестань.

Он стал серьезным, нагнулся ближе ко мне.

– Хочешь послушать одну поучительную историю?

Я не люблю случайных рассказчиков (часто же мне приходится произносить фразу «не люблю»; больше меня, наверно, это сделал только Владимир Высоцкий в своем одноименном трактате неприятия человеческой мерзости, но, простите, кто Владимир Семенович, а кто – я? так, кусочек

шпината, застрявший в зубах). И дело даже не в том, что чужие житейские истории мне не интересны, хотя на самом деле часто так оно и есть. Просто их рассказывать не умеют! Относительно занятная байка, которая в трех-пяти предложениях стала бы шедевром, в исполнении неопытного индивида превращалась в нудный некролог. Поэтому стоит мне услышать многообещающее начало: «Помню, был у меня случай…», – я сразу смотрю на часы, хватаюсь за мобильный телефон или лихорадочно озираюсь по сторонам, будто потерял ребенка.

Но мой Рыжий Филофонист меня порадовал. Речь его текла неспешно, слова и предложения сплетались в кружева, и мне ни разу не пришлось ни попросить его повторить, ни поторопить.

– Хорошая была девка, – рассказывал Павел, сосредоточенно изучая почти опустевший графин. – Точнее, давно не девка, но еще и не тетка, от которой шарахались бы в стороны симпатичные молодые люди вроде тебя.

Звали ли ее… ну, пусть Надька, не суть важно, назови хоть Склодовской-Кюри, мозгов от этого не прибавится. По молодости вышла замуж. Любила парня безумно – высокий, статный, рукастый, инженер… Знаешь, как бабы любят инженеров? Вот я никогда не мог этого понять: ты ей – стихи, цветы, горячее сердце и полное погружение во внутренний мир, а она, бля, западает на специалиста по электропроводке и механосборочным работам. Впрочем, ничего плохого

про парня сказать не могу, носил он ее на руках честно, первое время ни налево, ни к мужикам в гараж не бегал, деньги не ныкал, на тещу не рычал. Мирный такой чувачок. Но через пять лет ушел. Куда – не знаю, никто не докладывал, а сама Надюха предпочитала помалкивать. Повела себя довольно мудро, не стала в спину ни проклятия посылать, ни камнем висеть на шее, требуя вернуться. Переехала на квартиру к матери, устроилась на хорошую работу. Бывший муж присылал алименты вовремя и по выходным дочку водил в зоопарк. Все как-то тихо-мирно улеглось. Ты же помнишь: нет любви – нет боли, а с душевной грустью и ребенок родной поможет справиться, если ты с ним дружишь.

Но встретила Надя другого мужчину. Теперь уже все совершенно иначе, не как в молодости. Ведь опыт печальный уже имеется, на мякине не проведешь. С такими женщинами очень интересно, хотя и довольно хлопотно для нашего брата, привыкшего к простоте. Посуди сам: возраст, привычки, устоявшиеся взгляды на жизнь и круг интересов, выбранный темп, мироощущение – все давно при ней, и ты со своим примитивным уставом в ее монастырь уже не сунешься, изволь принимать такой, какая есть, без белой фаты и наивно хлопающих ресничек. Лепить из нее уже нечего, все давно слеплено.

Ее новый избранник все это прекрасно понимал. И принимал, потому что был интеллигентный человек, имел два образования, одно из них вполне себе высшее. И он готов

был на ней жениться, даже принять ребенка как своего родного. Словом, скажу тебе с прямотой, Ваше Величество, что это был просто Мечта, а не мужчина! Жизнь иногда преподносит сюрпризы. Иногда ты думаешь, что уже сделал самое важное и теперь можешь остановиться или сосредоточиться на чем-то другом… но спустя время понимаешь, что до сих пор у тебя была лишь разминка. Разрушение первого брака, казавшегося удачным, с последующим счастьем в виде брака второго – одно из таких замечательных потрясений… порой обманчивых потрясений, потому что второй счастливый брак тоже может оказаться расписанной под хохлому фанеркой, прикрывающей безнадежный долгострой на городском пустыре.

В общем, собралась было моя Надежда войти в ту же реку во второй раз, и дочка ее Леночка с удовольствием согласилась считать дядю Жору другом. Но случилась тут промашка дикая…

Павел умолк, посмотрел в окно. Под нами к первой платформе, мягко сбавляя ход, подходил еще один пассажирский поезд. Как и в первом случае, я не мог увидеть табличку с маршрутом следования. Впрочем, помочь мне должна была диктор вокзала. Не удивлюсь, если новый поезд также следует в Адлер из какого-нибудь замерзшего сибирского захолустья.

– Так что там с промашкой? – напомнил я.

Паша очнулся и продолжил рассказ:

– Пришел дядя Жора однажды к ним с цветами…

…Георгий протягивает три гвоздики в газетном свертке. Смущенно отводит глаза. Что-то он явно замыслил. Наверно, побег, не иначе.

– Дядя Жора! – приветствует из-за угла десятилетняя Ленка.

– Здравствуй, моя хорошая, – отвечает Жора, но глаза его по-прежнему ищут трещины в линолеуме на полу.

Надька опускает руки.

– Что-то случилось?

Он смотрит на нее, обильно краснеет. Вслед за ним краснеет и сама Надежда. Очевидно, разговор ее ожидает не из приятных.

До сих пор Георгий не давал поводов бояться чего бы то ни было. Забота, любовь, внимание – он словно источает все это, как пот через поры в душной сауне. Настоящее Солнышко. Возил их недавно с дочкой в Турцию, с улыбкой наблюдал, как они радуются жизни. Надя уже решила, что впустит его в свою жизнь с любым багажом прошлого. Мужчина, который ТАК любит, не может быть подлецом.

– Пойдем, – говорит Жора и берет ее за локоть. Они проходят в одну из двух имеющихся в квартире комнат, детскую. Там мягкий диван, на котором Надя и Жора много раз боролись с бессонницей, пока Лена гостила у бабушки. Жора знаком велит ей присесть, прикрывает за собой дверь…

…и начинает ходить из угла в угол, отмеряя длинными ножищами скромные хрущевские четыре метра. На ходу кусает губы, чем ввергает свою возлюбленную уже в полную кататонию.

– Может, ты как-нибудь начнешь? – говорит Надя.

Он останавливается, поворачивается к ней лицом. На него нельзя смотреть без слез.

– Дорогая… любимая моя… драгоценная…

Наде кажется, что все ее самые мрачные предчувствия начинают сбываться. Она опускает голову и старается не смотреть на суженого.

– Ну, дальше.

– Да… – Жора тихонько прокашливается. – В общем, я не знаю, как это получилось. Я… она…

– Кто – она? – спрашивает Надя, хотя уже понимает, о ком идет речь.

– Она… моя невеста… бывшая невеста… мы с ней расстались, когда я познакомился с тобой, ты помнишь. Я твердо решил, что буду с тобой… а теперь…

Пауза. Тишину можно потрогать руками.

– Теперь она беременна, – заканчивает Жорик. Бедняга так сконфузился, что Надюха не могла удержаться от смешка. Ей стало его жалко. Милый идиот.

Но очень скоро за вслед жалостью пришла боль. Смена ощущений происходит буквально за секунды.

– Света беременна?

– Угу.

– И ты имеешь к этому отношение?

Он отворачивается к окну. На шее пульсируют жилы. Никогда еще Принц не выглядел таким раздавленным. Кажется, будто он сражается с целой армией ветряных мельниц, каждая из которых не только вращает лопастями, но и отстреливается патронами со слезоточивым газом.

– Жора! Я спросила, *ты имеешь хоть какое-то отношение к ее беременности*?

Он выдает ответ с изяществом интеллигента:

– Непосредственное.

Слезы не пошли. Горло словно забили деревянной чуркой – ни вздохнуть, ни всплакнуть. В коридоре у двери тихо шуршит любопытная Ленка. За окном чирикают воробьи. Муха жужжит под потолком.

Великая Пустота.

А Жора все вещает и вещает. Кажется, у него пробку из горла, наоборот, вынули.

– Я пришел к ней попрощаться. Есть такая глупая традиция – сказать последнее «прости». Мы ведь неплохо с ней ладили, я не мог сказать, что она была случайной женщиной в моей жизни. Да, я встретил тебя, моя дорогая, моя ненаглядная, но и с ней я должен был поступить по-человечески, считаешь, я не прав?

Надя молчит. Она еще не знает, что считать.

– Когда я пришел, Света говорила по телефону. Стол у нее был накрыт: ваза с фруктами, два фужера, шампанское. Я еще подумал, что она ждет кого-то, наверно, а я приперся не вовремя. А она все болтает и болтает по телефону, ходит по квартире и говорит мне знаками – дескать, давай, располагайся. Ну, я сел на диван перед столом… и потом как-то так резко получилось, я даже среагировать не успел. Светка села мне на колени, обняла одной рукой за плечи…

Надя зажмуривается. Ей не хочется слышать, как все это произошло, но Жорика в его приступах откровенности ничем не заткнуть. Он всегда разоблачается с самозабвением, будто рвет рубашку на груди. Поэтому она слушает, ощущая себя при этом гостьей татарского Сабантуя, пытающейся достать ртом монетку со дна таза с катыком. Так уж устроена жизнь.

– Она хватает меня за плечо, но продолжает говорить, говорить. С какой-то подругой она разговаривала, что ли, а у той проблемы с мужиком. Я выслушал этих разговоров тысячу, если не меньше, и все они заканчиваются одинаково… хм… В общем, дальше я уже ничего не понимаю, потому что как-то быстро все произошло. Я хотел сказать ей, что ухожу, потому что полюбил другую, а посмотрел и послушал, как она трогательного болтает с подругой, как уверяет ее, что у нее такой замечательный мужчина, то есть я, и что она желает подруге найти такого же себе, хотя их уже почти не осталось на свободе. И все это время она так ласко-

во смотрела на меня, так ерошила волосы, что я… понимаешь, я не смог выдавить ни слова, забыл все, что хотел сказать, хотя проговаривал каждую фразу несколько раз, пока ехал. В общем, как-то так быстро все произошло. Она закончила говорить по телефону, обняла меня… мы выпили шампанского… а потом… как-то молниеносно все, представляешь… я даже не заметил…

– Угу, – выдавливает Надя. Горло ее осипло. Она по-прежнему смотрит в пол, не решаясь поднять глаза на мужчину. Она боится, что он увидит в ее глазах ненависть и расстроится еще больше. Милый идиот.

– Это было в прошлом месяце. А позавчера она позвонила мне и сказала, что беременна. В ее голосе было столько радости, и я…

– И ты не смог ей ничего сказать. Ни в прошлом месяце, ни позавчера.

Жорик молчит. Надя не хочет смотреть на него, потому что чувствует, какая буря эмоций угрожает вырваться наружу.

– Все понятно, – говорит она. Узоры на линолеуме расплываются перед глазами. – Это все?

Жорик всхлипывает:

– Почти.

И тут она не выдерживает. Поднимает глаза. Любимый смотрит на нее как побитая собака, но маленькая и едва заметная искорка облегчения мелькает во взгляде. Умная со-

бака чувствует своего хозяина лучше, чем он сам, а Жорик, паршивец, был чертовски умен. Во всяком случае, казался таким до сих пор.

– Я все продумал, – говорит он. – Надеюсь, тебе мой план понравится. Он, конечно, не без изъянов, но все можно обсудить. Хочешь его услышать?

Надя смотрит на него сквозь едва сдерживаемую пелену слез (внутренних, невидимых миру, слез – внешне она все еще холодна). Она не хочет слушать его план, но разве у нее есть выбор?

– Ну, давай…

…Рыжий филофонист стал недвусмысленно разглядывать пустой графин. Мне показалось, что он ожидает продолжения банкета, и я уже собрался предложить свое радушие, но Павел, предвосхищая манипуляции с бумажником, отрицательно покачал головой.

– Воздержусь, – сказал он. – Надираться на вокзале некрасиво.

– Ладно, хорошо. Мне не терпится услышать, что за план предложил твой интеллигент.

– О, план был гениален. Признаюсь, в литературе ничего подобного я ранее не видывал, хотя прочел уйму разных книг – от кулинарных фолиантов Франции до сборников китайских сатириков. Но вот в жизни, старина, такая бредятина встречается сплошь и рядом. Жизнь не перешутишь, вер-

но?

В общем, схема следующая: Жорик женится на Светлане, помогает ей родить и поднять на ноги ребенка, а потом возвращается. На все это ему потребуется лет десять, не больше. Сущая безделица – вырастить ребенка, определить его в школу, создать, так сказать, необходимый задел для дальнейшего личностного роста и развития. Десяти лет вполне достаточно. Все это время они с Надей могут продолжать встречаться, любить друг друга на квартирах, в гостиничных номерах, гулять в парке, обедать в ресторанах… ну, все как полагается у тайных любовников.

Я с трудом сдерживал улыбку. Павел это заметил.

– Хочешь спросить о чем-то?

– Ага.

– Догадываюсь. И сразу отвечу, чтобы тебе лишний раз не проветривать полость рта. Да, все это время Надюха должна была сидеть и ждать его, ненаглядного. Растить дочь, работать, ухаживать за матерью и ждать своего Принца. Правда, Жорик предложил еще заключить один контракт. Он назвал его «Договором о верности». Ключевые пункты Договора гласили, что Георгий и Надежда сохраняют верность друг другу. То есть в свободное от встреч время Жорик может трахать супругу, а Надя обходится своими силами. Ну, разве не гениально!

Рыжий торжествующе улыбнулся. Я же пребывал в легком шоке.

– Десять лет? – на всякий случай уточнил я.

– Угу.

– Пока он с женой, она – ждет?

– Угу.

Я хмыкнул. Пустота графина начинала злить.

– И на сколько их хватило?

Теперь хмыкнул Рыжий.

– А вот это, приятель, уже вторая часть Мерлезонского балета. Может, чайку с лимоном?

…У Жорика родилась очаровательная девочка. Он ласково называл ее Клопиком. На подбородке симпатичная ямочка, как у матери, а носик папин – картошка с двумя задранными вверх дырочками. Была необычайно болтлива почти с самых первых дней существования, даже когда маму еще узнавала лишь по запаху. Говорила без умолку, выработав у родителей привычку волноваться всякий раз, когда в детской комнате воцарялась тишина.

Словом, здоровая, пухлая, розовощекая, с длинными темными волосиками. Мечта поэта.

Жорик рассказывал Наде о дочке почти каждую встречу, а встречались они в лучшем случае раз в месяц, в худшем – по личным и государственным праздникам и особым датам. К последним романтичный Жорик причислял годовщину их первого поцелуя, годовщину первой бутылки шампанского (выпитой на веранде летнего ресторана возле ре-

ки, когда Жора пытался прочесть по памяти что-то из Мандельштама и одновременно нащупать под джинсами Надин копчик), и даже годовщину первой ссоры. Терпеливая и попрежнему влюбленная в своего принца Надежда молча и порой даже с интересом, как бывалая мама, выслушивала рассказы, иногда помогала советом, подкидывала телефоны хороших врачей и адреса магазинов, располагавших приличным ассортиментом детских товаров.

Да, она любила его… урода. Порой ей казалось, что она не выдержит – взорвется. В один прекрасный день она уже почти готова была это сделать. Не спала накануне почти всю ночь, ворочалась и периодически поднималась с постели, чтобы напиться воды. Тщательно подбирала слова и обидные выражения, взвешивала все плюсы и минусы. Минусов решения расстаться почему-то всегда получалось больше. Дурацкое уравнение, абсолютно нерешаемое. Всякий раз смотришь на все эти «за», «против», плюсы-минусы, знаки равенства и крестики-нолики, как тупой, слепой и глухой ученик с первой парты, и не можешь дать никакого внятного ответа, а рука учительницы уже зависла над графой в журнале: «Вот смотри, я ставлю тебе „двойку“ карандашом, но если ты не ответишь в следующий раз, эта „двойка“ стает чернильной». Наивная учительница будто сама не знает, что эти уравнения будешь вымучивать всю жизнь и все равно не решишь.

В общем, встретила она своего ненаглядного дома, при-

готовилась обрушить на его голову слезную тираду: «Я так больше не могу, это глупо и смешно. И больно, в конце концов!», – но едва их губы коснулись друг друга, а головы опустились на подушку дивана в Ленкиной комнате, как все эти разъедающие душу слова улетучились. Как назло, в тот день Жорик был весьма голоден до секса и не позволил возлюбленной даже рта раскрыть.

А после удачного секса Надежда – никакая.

Так прошло два года. Третий, как жирный плевок по стеклу, медленно пополз куда-то в небытие. Ленка росла, превращалась в симпатичную девушку и требовала внимания и заботы. Сама Надежда будто осунулась. Просыпаться по утрам не хотелось. Ей казалось, что все застыло и никуда не двигалось, что просыпаться нет никакого смысла, и необходимость заботиться о родной дочке уже не гнала на кухню заваривать кофе и готовить завтрак. Зачем? Для чего? День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем ждать коротких встреч, думать о том, что сейчас твой любимый – там, с ней, с этой дамочкой, раздувшейся после родов до размеров дирижабля, сидят вдвоем на кухне, пьют чай, закусывая печенюшками, воспитывают свою девочку, дай бог ей здоровья… это невыносимо. Ленка вырастет и тоже уйдет из дома за таким же красавцем и умницей, и останется она, Надюха, совсем одна.

Впрочем, у нее случались и другие дни. Она не сказала бы, что счастливые, но – оптимистичные. Когда приходил Жо-

рик или когда они встречались на нейтральной территории, в гостиницах, на квартирах подруг и друзей, ей казалось, что предложенный им план вполне осуществим. Иногда ждать своего счастья приходится несколько лет, и побеждают те, кто умеет ждать и не хвататься за первый попавшийся вариант, как за манну небесную. Доводы рассудка («а вдруг отвергнутый тобой вариант был наилучшим, и дальше тебя ждет только шелуха и огрызки?») Надя отметала. Как отметала и кавалеров, недвусмысленно намекавших не только на случайные связи, но и на более осмысленные и продолжительные отношения. Она сохраняла верность любимому – занималась сексом только с ним или с самой собой, надеясь, что он проделывает то же самое лишь с супругой. В такие дни она *действительно верила*, что выйдет победительницей.

Пока не пришел день, поставивший на ее вере жирный крест.

…Георгий мнется на пороге, протягивает букет из пяти красных, как кровь, гвоздик. Смущенно отводит глаза. Что-то он явно задумал.

– Привет, – вяло здоровается с ним Ленка и сразу запирается в своей комнате.

Надя и Жорик уходят в гостиную.

– Ну, говори.

Георгий уже не наматывает круги по комнате. Он становится перед женщиной на колени.

– Милая, родная, дорогая, *единственная* (от последнего слова ее передергивает, но она молчит). Я не знаю, как это получилось… как-то все спонтанно, мы не принимали никакого решения, не договаривались, не планировали… просто она перестала пить таблетки, а я не знал, и мы… я был верен тебе, я ведь только с ней… в общем…

Он берет ладони Надежды, зажимает в своих, кладет голову ей на колени, плачет, вращает головой, словно отгоняя морок.

– Она беременна. Светлана беременна. У нас будет второй ребенок… я не знаю… я… я…

Он поднимает к ней свое лицо. Красное, заплаканное. Похоже, он в отчаянии и действительно не понимает, как это произошло.

Милый идиот…

…Рыжий развел руками, словно оправдывался за героя своего рассказа.

– Вот такие беляши.

Мы пили чай из настоящих чашек, уютный и почти домашний звон фарфора сливался с непреодолимым мерным гулом вокзала. Удивительное состояние. Клянусь, я уже сожалел, что мой неожиданный собеседник скоро покинет меня и отправится по своей траектории, которая едва ли когда-нибудь пересечется с моей.

– Что было дальше? – спросил я.

– Дальше было еще смешнее, – ответил Павел, рассматривая крышу стоящего внизу поезда. – Он предложил еще один гениальный план.

– Да ладно!!

– Вот именно, еще один сумасшедший план. Конечно, не все безумные идеи гениальны, но почти все гениальные граничат с безумием, будь уверен. Жорик предложил подождать еще немного, пока подрастет еще один плод его семейной любви. Если в первый раз он озвучил срок в десять лет, чем поверг свою возлюбленную в шок, то вторая цифра выглядела уже более оптимистичной. Пять.

– Да, это уже по-божески, – фыркнул я. – Добрый парень.

Павел не улыбнулся. Продолжил рассказ:

– Надежда ничего не ответила тогда на это щедрое предложение. Молча кивнула, поцеловала его, приголубила, насколько позволяли силы и душевное равновесие, и отправила восвояси. Что с ней творилось на самом деле в те дни, я сказать не могу, но, подразумевая у нее наличие некоторого количества интеллекта, представляю, что она была уничтожена.

В общем, решила она через некоторое время дать своему дефективному Принцу окончательный отворот-поворот. Но сделать это она хотела как-то торжественно, устроить последний день роскошной любви, чтобы ни у кого не осталось никаких камней за пазухой. Романтичная женщина, мудрая, правильная. Не хотела она размазывать своего возлюбленно-

го придурка по стене, спасала его своей любовью и отпускала. Во всяком случае, считала так и искренне верила, что поступает верно. Бабы, что с них возьмешь.

Назначила встречу, заручилась его твердым согласием. «Да, любимая, – сказал Жорик, – я обязательно приеду. У меня как раз свободный день, домочадцы мои собираются к матери в деревню». Сама Надя тоже отправила Ленку в гости с ночевкой. Прибралась в квартире, приготовила роскошный обед – мясо, маринованное в красном вине с какими-то нереальными приправами, названия которых даже мне, человеку большого ума, запомнить не под силу. Купила дорогого шампанского, кажется, отдала рублей восемьсот за бутылку против тех ста пятидесяти, что обычно тратил на выпивку Георгий. И ровно в полдень села ждать.

Час. Жорика нет. Телефон недоступен.

Два часа. Ни звонка, ни другой весточки. Мясо остыло, запахи витают в воздухе аппетитные. Надюха поела, выпила сока. Легла. Уснула.

Проснулась в четыре часа. В квартире – ни звука. На мобильном телефоне никаких сообщений или пропущенных звонков.

Пять часов. Надя откупорила бутылку шампанского, выпила один небольшой бокальчик. Жизнь стала казаться не такой мрачной, а ее мужчина – не такой сволочью. Наверно, с ним что-то случилось, ведь он обязательно позвонил бы, если б мог.

И вот тут…

Павел нагнулся ближе ко мне и зашептал. В глазах появился дьявольский блеск.

– Тут с моей Надеждой случилась жуткая вещь. Жуткая – с точки зрения общечеловеческой морали, но в тот момент ей казалось, что ничего аморального в этом маленьком желании нет. Год или два назад она пришла бы в ужас от одного лишь предположения, но только не в тот дурацкий день.

Она поймала себя на мысли, что *ей хочется, чтобы с ним что-нибудь случилось*. Пусть он попадет в какое-нибудь ДТП. Перепутает поворот и свалится в пропасть. Пусть он поскользнется в ванной комнате на куске мыла, оброненном старшим ребенком, и разобьет башку о край раковины. Пусть он шагнет вперед, не убедившись, что кабина лифта перед ним, и свалится в шахту с высоты девятого этажа. Пусть его убьет грабитель из-за пустого бумажника. Зарежет маньяк. Пусть он подавится апельсиновой коркой, умрет от передозировки снотворного, наступит на ржавый гвоздь.

Пусть он сдохнет. Исчезнет. *Навсегда исчезнет из этого мира.* Нет возлюбленного – нет ревности. Нет любви – нет боли. Конечно, она будет оплакивать его, страдать, скучать, но боль потери рано или поздно утихнет, останется лишь светлая грусть. Зато уж точно не будет этого ужасающего, разъедающего душу чувства поражения, нанесенного соперницей. Спору нет, тяжело терять любимого человека, но втрое тяжелее при этом отдавать его кому-то, ведь ты

не уходишь с поля боя с гордо поднятой головой – ты уползаешь, поджав хвост, как щенок, получивший сапогом.

Так что пусть он…

…пусть его не станет.

Рыжий немного помолчал. Послушал сообщение диктора о скором прибытии поезда из Новосибирска. Покачал головой. Продолжил:

– Да, она была верующей женщиной. Не сказать, чтобы уж очень набожной – за молитвами и соблюдением поста я ее не заставал – но достаточно щепетильной в вопросах морали. Однако, знаешь, в тот ужасный день крестик, висящий на шее, не обжигал, не въедался в кожу. Нравственность потеряла сознание. Пусть его не станет, черт возьми, *пусть никогда больше его не будет в этом мире!*

К семи часам вечера она выпила всю бутылку шампанского и, уже не стесняясь, придумывала, какие страшные муки испытывает на смертном одре ее возлюбленный, и как легко и свободно заживет она без него, этого ублюдочного эгоиста.

Павел посмотрел на часы, вздохнул. Оглядел стол, будто боялся забыть что-нибудь из личных вещей.

– Ты уже уходишь? – спросил я.

– Да, мне пора.

Он суетился, это было очевидно. А может, просто так сильно расчувствовался от своего собственного рассказа. Это навело меня на мысль.

– Подожди. – Я ухватил его за запястье. – Чем закончилась

история? Ты все-таки приехал к ней?

Рыжий посмотрел на меня оценивающе, с хитрым прищуром. Я отнюдь не застал его врасплох.

– Приехал. В десять вечера. К тому моменту Надюха уже выспалась и пришла в себя, убрала со стола, собиралась принять душ и лечь спать.

Я едва сдерживал смех.

– И где ты шлялся?

– Попал в ДТП. Отвез жену и детей к матери в деревню, а на обратном пути пошел дождь, я не справился с управлением и свалился в кювет. Хорошо, что скорость была не очень большой, я как раз маневрировал, иначе бы не доехал вообще никуда. Надежда наколдовала. У ненависти огромный потенциал, а оскорбленная женщина пропитана ненавистью как губка. Пока ждал ментов, искал трактор, пока меня вытаскивали да буксировали до ближайшей станции техобслуживания, прошел целый день. Телефон сначала не работал, а потом я уже просто трусил. Чем больше тянешь, тем страшнее прыгать. Притащился к ней грязный, мокрый, холодный, голодный, злой. Но она отогрела, отмыла, накормила.

Рыжий шмыгнул носом. Я подумал, что он плачет, но ошибся: Павел смотрел в окно сосредоточенно и задумчиво.

– Что было дальше?

– Ничего особенного. Я быстренько трахнул ее и уехал

домой.

– И все?

– И все.

– Она тебя простила?

Он пожал плечами. Кажется, этот вопрос не входил в число животрепещущих.

– Я не знаю, мы больше не встречались. Она прислала смс с прощанием, а я не стал больше ничего выяснять. Зачем? Она ведь права.

Он стал собираться. Смел со стола монетки сдачи, принесенной официанткой. Проверил содержимое карманов и бумажника. Мысленно он находился уже не здесь. И даже не с Надеждой, а вообще Бог знает где.

Но напоследок все-таки вернулся ко мне, и как прапорщик, благополучно посадивший дембеля на автобус, озвучил последнюю нотацию:

– Ты подумай насчет своей возлюбленной. Обязательно подумай. Имеет ли смысл все время дожидаться призрака, который покинет тебя с восходом солнца? Нет любви – нет боли, приятель. *Нет боли.*

Он утер салфеткой губы и протянул руку для прощания.

– Приятно было пообщаться, странник.

– Взаимно. С наступающим!

– И тебя – с новым счастьем.

Рыжий Павел (или Георгий, как его там на самом деле) улыбнулся одними губами и покинул столик, со скрипом

отодвинув алюминиевый стул. Я понятия не имел, откуда и куда он ехал, что у него в Омске – еще одна женщина, ожидающая призрака, или просто он бежит от себя самого.

Поезд с первой платформы тоже уплыл в неизвестном направлении. Я смотрел на осиротевшие рельсы. Скоро их припорошит снегом. Кажется, мороз слабеет.

Кутепов сказал: зачем дожидаться Призрака, который покинет тебя утром с первыми лучами солнца и криком петуха?

Я не знаю.

С возрастом все чаще произносишь эту фразу. В юности и молодости она звучала реже. Тогда ты все больше хотел казаться мудрым и наполненным знаниями, краснел, пыхтел и тужился, как роженица, пытаясь во что бы то ни стало отыскать ответ на вопрос, вызвавший у тебя затруднения. И ты обязательно лопотал что-нибудь в ответ, любую чушь, обернутую в бессмысленные словеса, лишь бы не упасть лицом в грязь. Школярский рефлекс: нельзя отвечать на вопрос учителя «*не знаю*», потому что получишь двойку.

«За что Герасим утопил Муму?» – *Не знаю.* – Двойка!

«Катерина – луч света в темном царстве?» – *Не уверен.* – Двойка!

Вот так со временем и выхолащивается способность сомневаться, колебаться и искать ответы внутри себя. Ответ «не знаю» недопустим! Не знаешь – посмотри в учебни-

ке, параграф такой-то, страница такая-то, там все написано. Но когда тебе под сорок, ты понимаешь, что действительно можешь не знать ответа. И если мозгов достаточно, ты не станешь этого стесняться.

Я не знаю, зачем я ее все время жду. Она уходит, а я жду возвращения. Наверно, мне хочется узнать, чем все закончится. Тем более что началось все по нынешним временам банальнее некуда.

Она прислала мне письмо по электронной почте с требуемой конфигурацией. Ничего необычного – пять системных блоков, пять мониторов семнадцатой диагонали, кабели, клавиатуры, мыши, блоки, разъемы. Подпись: «С уважением, менеджер, долгие лета, ждем с нетерпением». Сразу под подписью – контакты для связи. Среди них стоял и номер аськи. Я приготовил заказ, но не стал отправлять ответное письмо с извещением о готовности, а написал по указанному номеру ICQ. Не люблю я эти длинные портянки писем, в аське проще.

Я: «Приветствую вас, уважаемая менеджер, все упаковано, снабжено документацией и приготовлено к отправке. Укажите время доставки и способ оплаты, я отправлю вам счета».

Она: «Добрый день. Всю необходимую информацию я брошу на ваш ящик в ближайшие минуты».

Я: «Нет необходимости так мучиться – я приму все здесь.

Да и вам, наверно, проще».

Она: «Пожалуй. Минуточку».

Клянусь, ничего особенного я не планировал в те обычные рабочие мгновения переписки с клиентом. Занимался своими делами, ожидая ответа от неведомой мне девушки, менеджера совершенно не интересующей меня фирмы, и даже почти забыл о ней. Она вполне могла оказаться и не милой девушкой вовсе, а дамой предпенсионного возраста, седой и статной, а то и вовсе сопливой девчонкой, надувающей жевательные пузыри. Меня это совсем не интересовало.

Но вот пришел ее ответ. И покоя в моей грешной душе как не бывало.

Вслед за обещанными реквизитами компании шла довольно любопытная информация:

Она: «…0567, адрес доставки – улица Комсомольская, 54, офис 302…

…оральный секс на работе не практикую и не приветствую – только дома, в хорошей компании и под хорошую закуску!»

Я опешил. Или оторопел… нет, не могу подобрать точного слова. А вы бы как реагировали на моем месте?

Я, наверно, с пару минут сидел, глядя на ее неожиданный обет целомудрия, и выбирал между двумя вариантами: либо к ее обычному деловому сообщению присосался, как клещ, спам от случайного порно-сайта, либо девушка сама прислала сообщение, но перепутала адресата. Так случается, когда

в программе у тебя открыто сразу несколько окон с разными собеседниками, и в процессе оживленной дискуссии твои сообщения улетают не туда, куда следует. Иногда получается весьма забавно.

Не успел я додумать эту возбуждающую мысль (с кем, интересно, эта дамочка беседовала таким манером?), как пришло новое сообщение:

Она: «Ой, простите ради Бога!!!!! Это не вам!!!»

И с десяток покрасневших от стыда смайликов.

Я почесал репу. Хмыкнул. Протянул руки к клавиатуре. Что ж, дурачиться так дурачиться.

Я: «Спасибо! Я, признаться, уж было огорчился и хотел писать письмо с настоятельным требованием открыть интимное обслуживание в рабочий полдень»

Отправив это безобразие, я замер. Отчего-то затряслись от возбуждения мышцы ног. В подмышках стало прохладно. Я глядел на монитор не мигая, но ничего не происходило. Удивительные образы подкидывает порой фантазия во время общения по ICQ. Я представлял, как моя шаловливая незнакомка грызет карандаш, краснеет и пыхтит в поисках способа с достоинством выйти из дурацкой ситуации, но мне почему-то и в голову не приходило, что она могла просто покинуть рабочее место и уйти, допустим, в туалет. Или за чашкой кофе. Дался ей этот незнакомый менеджер торговой фирмы, поставляющей оргтехнику!

Но через три минуты пришел ответ:

Она: «Не знаю, зачем я это пишу вам, но под „оральным сексом“ понималось неприятное общение с начальником… шеф решил снять с меня часть премии за систематическое нарушение дисциплины, а кое-кто из моих сочувствующих коллег советовал пойти поговорить с ним – покаяться, объяснить… вот я и ответила. Я всего лишь имела в виду свое нежелание унижаться… не знаю, что вы подумали, но все совсем иначе, чем кажется. Аська – вещь коварная и обманчивая, верно? :) простите еще раз, надеюсь, я не очень вас смутила».

Я снова почесался – на этот раз в районе шеи. Мне показалось, что последняя фраза предполагает продолжение диалога. Наверно, из меня получился бы неплохой психолог.

Я написал ей снова, и у нас, действительно завязалось небольшое общение. Далее она отвечала почти без пауз.

Я: «Нет, не смутили. Вы правы, аська коварная и непредсказуемая вещь и часто преподносит сюрпризы. А чем, простите за назойливость, вы так сильно досадили начальнику, что потребовалась столь категоричная отповедь?»

Она: «Ну, все очень просто. У нас в компании недавно установили новую систему безопасности: видеокамеры на дверях внутри и снаружи, сканеры для считывания отпечатков пальцев. Теперь компьютеры фиксируют твое пребывание на рабочем месте с точностью до секунды, и любая задержка сверх допустимых пределов карается обязательным написанием объяснительных записок, отчетов и рапортов…

отлучиться можно только на обед и в уборную. Превысил лимит – ползи на ковер. При этом у нас половина необходимой для работы техники выработала свой ресурс, принтеры и факсы жуют бумагу, мониторы зеленеют, лампочки перегорают, предохранители летят… зато крутая система безопасности, позволяющая следить за сотрудниками… что ж, у компаний, финансирующихся напрямую из областного бюджета, свои причуды».

Я: «Ну да, согласен… а вашему системному администратору вы доверяете?»

Она: «В каком смысле?»

Я: «Вы уверены, что Интернет-переписка не контролируется так же, как и ваше присутствие на рабочем месте?»

Она: «О, в нашем „сисике“ я уверена… пожалуй, он единственный, кому я здесь действительно могу верить».

Я: «Почему, если не секрет?»

Она: «Виталик в меня влюблен».

Я: «Он пользуется взаимностью? (здесь я с небольшим опозданием подумал, что, возможно, перегнул палку, и ее неожиданная откровенность может растаять и съежиться, как филе трески на раскаленной сковородке, но я недооценил мою новую знакомую).

Она: «Пожалуй, нет… он милый парень, добродушный, внимательный, но у него, во-первых, двое детей и жена, а для меня это серьезное препятствие, а во-вторых… ну, не знаю, просто нет „искры“… я удовлетворила ваше любопытство?»

Я: (покраснев до мочек ушей) «Вполне. Но я вовсе не любопытствовал, а лишь хотел уточнить детали, чтобы выразить свое мнение; должен вас предупредить, что не пользующийся взаимностью влюбленный в хорошенькую коллегу мужчина может от отчаяния использовать все доступные ему рычаги власти, чтобы отыграться за свои поруганные чувства. А системный администратор обладает необходимыми рычагами – он, например, может контролировать вас через ваш компьютер… не рассказывайте всем подряд о своих непростых отношениях с начальством».

Она: «Спасибо большое за внимание к моей скромной персоне… теоретически вы правы, конечно, но уж если Виталик способен на такую низкую месть, то тогда верить некому совсем».

Я: «Отнюдь. Вы ведь говорите лишь о коллективе вашей компании… а за стенами офиса – сотни тысяч людей. Мне трудно поверить, что среди огромного количества наших собратьев не найти ни одного, с кем вам было бы спокойно и комфортно»…

После этой фразы последовала продолжительная пауза. Стоит ли упоминать, что я чувствовал необычайное возбуждение от общения с незнакомкой, пальцы мои стояли наизготовку у клавиатуры, чтобы продолжить выпендреж, но через пять минут ожидания я скис. Кажется, я действительно пересек черту, за которой мне могут щелкнуть по носу и отправить восвояси.

Я успел попить воды. Пообщаться с другим заказчиком. Обсудить с парнями в офисе традиционную пятничную вечеринку.

Она молчала. А рабочий день заканчивался. Почему-то мне стало грустно.

В самом конце, когда я уже готовился отправить компьютер в продолжительный сон, от нее вновь пришло сообщение. Желтый конвертик в правом нижнем углу монитора переполнил мое сердце неожиданной щенячьей радостью.

Она: «Простите, что оставила без ответа – мне все-таки пришлось отправиться на ковер и оправдываться за свои частые отлучки. Не люблю этого делать, я слишком беспокойная и непоседливая, чтобы пользоваться успехом у начальства… в этом моя беда… или счастье, не знаю. И понятия не имею, зачем вам все это пишу, вы ведь всего лишь выполнили наш заказ. Кстати, спасибо, вы все сделали в лучшем виде, надеюсь, работать теперь станет чуть полегче… вот если бы еще новый принтер прислали, но на него у наших боссов уже нет денег».

Я проглатывал эти строки почти не пережевывая. Вот что с мужчиной делает длительное одиночество: он готов целовать песок, по которому ходила девушка, заказавшая в его фирме пару компьютеров.

Она не попрощалась. И пока не ушла. Значит, готова поболтать еще. Или это ровным счетом ничего не значит? Аська – вещь коварная.

Она: «Ой, я вас наверно, задерживаю! Рабочий день уже закончен».

Я: «Ничего страшного, мне некуда спешить. Я, в отличие от Виталика, в разводе».

Небольшая пауза. Я погрыз ногти и почесал небритый подбородок.

Она: «И у меня в этом смысле все сложно… но мне, к сожалению, пора идти. Как вы верно заметили, за стенами офиса – тысячи людей, которым я так или иначе необходима. Спасибо за выполненный заказ… и за компанию. Приятно было поболтать».

Я: «И вам спасибо. Обращайтесь еще».

Она: «Не исключено. Всего доброго!».

Я: «До свидания».

И ее номер в списке контактов из зеленого превратился в красный. Она покинула Сеть.

Весь вечер я слонялся по городу. Пил колу, ел хот-доги и смотрел на водную гладь реки. Читал рекламные плакаты, изучал витрины магазинов, слушал уличных музыкантов и даже бросил им несколько монет, найденных в подкладке куртки. Пытался представить мою случайную знакомую. Она казалась мне красивой и молодой, в меру строптивой, но больше все-таки покладистой. Невысокой, улыбчивой. Стройной, сексуальной, игривой, но грамотно держащей дистанцию. В общем, очень симпатичным человеком женского пола.

Я был очень меланхоличен в тот вечер, и когда голова моя коснулась подушки, сразу провалился в сон и спал без сновидений до самого звона будильника. Проснулся с какой-то странной тяжестью (тогда я еще не знал, что эта тяжесть прописалась в моей душе надолго – так родственник из деревни, приехавший поступать на дневное отделение сельскохозяйственной академии, поселяется в твоей квартире, и очень скоро ты начинаешь думать, что он не уедет от тебя никогда). Мне хотелось поболтать с этой девушкой вновь.

В офисе, прежде чем начать работу с текущими заказами, я включил аську. Сердце билось учащенно.

Моя знакомая была на месте.

А через полчаса написала:

«Доброе утро».

День шестой, 26 декабря. Папка

Стал замечать, что иногда на меня кто-то смотрит. Долго, пристально, будто узнает, но не может вспомнить, где мы могли пересекаться. Это самые разные люди – молодые женщины, мужчины средних лет, иногда даже мальчишки. Они идут по своим делам, суетливо озираясь или разговаривая по телефону, но вдруг останавливаются и глядят прямо на меня. Не мимо, не сквозь – а на меня.

Мне кажется, что они ждут какого-то знака, и тогда я машу рукой, добавляя робкую улыбку. Но человек в тот же самый момент отворачивается, будто стряхивая наваждение, и идет дальше.

Пять-шесть раз со мной на вокзале такое происходило. Ерунда какая-то. Хотя моя жена говорила мне, что я умею останавливать на себе взгляд. Возможно, причина в моей необычайной фотогеничности. Хорошо бы еще конвертировать этот талант во что-то более осязаемое, нежели вялые препирательства с сотрудниками милиции…

А иногда на вокзале удается подслушать интересный телефонный разговор. Вообще-то здесь их каждый день слышишь несметное количество, они окружают тебя словно жужжание мух в кустах пляжного туалета, и большей частью это пустопорожняя болтовня: «Подъеду к пяти… завезу мясо… подгребай к одиннадцати… погода дрянь… биле-

ты есть только на тридцатое, новый год буду отмечать в поезде, капец…». Сплошной белый шум.

Но время от времени кому-то удается меня заворожить.

Та девчонка была чудо как хороша. Она стояла спиной ко мне возле кресла в зале ожидания на втором этаже, опустив одно колено на сиденье. Я расположился на расстоянии двух кресел от нее. Со спины я дал бы ей лет двадцать с хвостиком – конфетка такая, что слюны не хватает. Джинсы в обтяжку, элегантная синяя курточка, жестикуляция как у актрисы мелодраматического жанра в момент наивысшего экстаза. Словом, медленно теряю рассудок и всей душой желаю, чтобы она повернулась ко мне лицом.

Она и повернулась.

Я сник.

Подросток лет четырнадцати-пятнадцати. Кое-где возрастные прыщики. Глаза умные, но все-таки детские. В ушах – недорогие сережки, носик картошечкой. Впрочем, все это сущая ерунда по сравнению с тем, что она говорила. Точнее – *как* она говорила! Через несколько секунд я забыл о ее возрасте – я наслаждался монологом, подобный которому раньше мог слышать лишь в театре.

Она прижимала трубку телефона к уху плечом, элегантно скособочившись (так могут держать трубки только существа женского пола, имеющие богатый опыт телефонных переговоров во время готовки ужина, за рулем автомобиля и в дру-

гих экстремальных ситуациях), а сама в это время пыталась открыть молнию на сумочке. Так я и не понял – то ли сумочка не поддавалась, то ли девушка не прилагала должных усилий, полностью сосредоточившись на разговоре.

– Я все понимаю, – говорила девчонка, – но вот чего я точно не могу понять, так это твоего нежелания меня слышать… и верить мне!

Пауза. Две-три попытки дернуть молнию.

– Ты по-прежнему отказываешься мне верить, вот что я хочу тебе сказать!.. Нет… Нет… И в третий раз скажу «нет» и даже добавлю «ни в коем случае»! Не стоит этого делать…

Пауза. Девочка смотрит на сумку оценивающе, словно размышляет – продолжать ли штурм.

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю!..

Длительная пауза. Девочка выслушивает ответную речь своего молодого человека.

Эх, думаю про себя, молодо-зелено! В наши годы таких «высоких отношений» между малолетними существами разных полов не наблюдалось. Во-первых, не было мобильных телефонов и Интернета, и если ты хотел, по Мертону, «причаститься другого человека» в юбочке и с косичками, тебе приходилось проходить сквозь плотный родительский кордон («Позовите Наташу, пожалуйста» – «Зачем тебе Наташа?» – «Физику делать» – «Рано вам еще физику делать!»), либо бежать к ней на своих двоих по морозу, а иногда и трястись через весь город в общественном транспорте. Прихо-

дилось писать настоящие бумажные записки, а не смс-сообщения, выводить дрожащей от волнения рукой бессмертное «Ты мне нравишься, можно тебя проводить сегодня?». Во-вторых, мы сами были гораздо проще и наивнее. Когда тебе в радость чудом добытая плитка псевдо-шоколада «Пальма» или пригоршня окаменевшей карамели, тогда и робкий поцелуй девочки ценится на вес… не золота даже, а чистых бриллиантов. Поцелуй – предел мечтаний, прикосновение к чему-то прекрасному, повергающее тебя почти в религиозный экстаз, хотя от религии ты в таком возрасте столь же далек, как и от секса. Бог мой, для меня сексуальным партнером до 19-ти лет была исключительно правая рука! К тому моменту, когда меня совратила не очень свежая нимфа из числа гражданского населения в военном городке, я уже целый год стрелял из автомата Калашникова по фанерным мишеням и преодолевал глиняные брустверы не хуже вездехода. Родину любить нас учили гораздо настойчивее, чем любить и понимать ближнего своего, при этом едва ли Родина отвечала нам взаимностью.

Совсем иное – нынешние дети, искушенные, избалованные, не ведающие проблем со связью и развлечениями. Им все по плечу. Они, конечно, боятся тех же вещей, каких боялись и мы, но вооружены они несоизмеримо лучше: психологи, курсы, тренинги, клубы. Один клик – и весь мир в кармане.

Я слушал прыщавую девушку на железнодорожном вокза-

ле и думал: если уж это продвинутое поколение провалится по жизни, как наше, перестроечное, тогда совсем туши свет. И еще я думал, что, кажется, совсем старею, если уж потянуло на подобные стенания.

– Да, все так, – продолжала разговор девчонка, – ты совершенно прав в том, что можешь самостоятельно строить свою жизнь. Конечно, имеешь право, и я последняя, кто скажет тебе хоть слово против… но мне бы хотелось тоже рассчитывать…

Пауза. Она оставила в покое сумочку и теперь смотрела на нее обреченно, словно внутри осталось что-то очень дорогое.

– Ну как это «на что рассчитывать»! На то, что меня не будут шпынять как котенка, а это так и происходило все последние месяцы, думаю, ты не станешь с этим спорить… Что? Ты не видел?… Ну, конечно, не видел, ты же все время занят!

Пауза. Я заметил, как в уголках глаз ее появились слезинки. Точнее, не слезинки, а первая робкая влага. Если девочке удастся удержать взятый темп, на что я искренне надеялся, то бурного потока не последует. Держись, моя хорошая, не сдавайся этому сукиному сыну, что бы там между вами ни происходило.

– То есть ты мне не веришь, да? Скажи мне по буквам: «Ми-ла-я, я те-бе не-ве-рю». Если это так, то будем решать проблему иначе… Но напоследок я тебе все-таки еще раз

скажу, что ничего такого между нами не произошло. Я была умницей и в тот вечер, как ты меня и просил. Я всегда веду себя хорошо и достойно, я всегда умница, потому что я твоя дочь, в конце концов, и ты меня воспитал так, как хотел. И послушай меня еще раз, пожалуйста, не отмахивайся: мое терпение на исходе, и вполне вероятно может случиться так, что мы не сможем с этой женщиной находиться в одной квартире одновременно. Кому-то из нас придется собрать вещи и уйти. Ты хочешь, чтобы это была я?

Пауза. Она, закусив губы, выслушивала ответ, а в моей голове мир, доселе стройный и понятный, как три пальца, сложенные в кукиш, начал расползаться. Внешность обманчива, и эта девочка – любящая дочка, эгоистка, не готовая делить папу с новой женщиной. Одна из глав житейской хрестоматии.

Впрочем, уже следующая часть монолога опровергла и эту мысль:

– Пап, я тебя очень люблю и хочу, чтобы ты был счастлив. Ты же знаешь это не хуже меня. И только по этой причине я говорю тебе: она лицемерит. В этом нет ни мести, ни желания ее выжить из нашего дома, и я молчала очень долго, пап… надеялась, что мне показалось… но она действительно не уважает тебя, не уважает нас… папочка, милый…

Кажется, она слегка задохнулась или всхлипнула, я не смог точно разобрать, потому что девушка повернулась ко мне боком. Если до сих пор ее не смущало присутствие

посторонних людей, то сейчас она, кажется, смекнула, что разговор с отцом становится достоянием общественности. Но отступать некуда, к тому же у нее есть как минимум один страстный болельщик.

– Папочка… мне не нужно ничего невероятного, я хочу, чтобы у нас с тобой было все в порядке. Чтобы ты был спокоен и счастлив, а уж я как-нибудь переживу… у меня все нормально, не волнуйся, пап. В школе все хорошо, все контрольные написала хорошо, ни одной «тройки», так что на каникулы я ухожу со спокойной совестью. Ты когда приедешь, пап?.. А успеешь? Я просто не знаю, куда здесь податься, я не могу с ней в одной квартире, у меня все внутри бунтует… она какие-то странные звонки телефонные делает, друзья какие-то… хорошо, пап, ладно, я поняла, больше не буду… ты только приезжай скорее, на месте быстрее вдвоем разберемся…

Она помолчала. Я отчетливо услышал всхлипы. Так и есть, последний бастион пал, но надо отдать должное – сражалась девочка достойно. Кто бы ни была ее мачеха и чем бы она ни провинилась, ее следовало гнать из квартиры поганой метлой. Я прямо сейчас готов этим заняться, юная леди, пока ваш отец в командировке.

– Ладно, пап, я на вокзале, здесь много народу… провожала девчонок на соревнования… у нас в группе отобрали трех человек… Ну, я не попала, но это не страшно, поеду весной, наверстаю… Ты главное не забывай пить таблетки,

хорошо? Я тебе положила во внутренний кармашек чемодана, обязательно пей. И обедай хорошо, не перекусывай на ходу, ладно? За меня не волнуйся, да… все будет хорошо, я потерплю… да, приезжай только поскорее. Ты же не останешься там на Новый год?.. Ну, хорошо, все, папочка, пока. Целую тебя… ага, пока!

Рука с телефоном опустилась. Девушка вновь повернулась ко мне. Я едва успел скосить глаза в сторону, но маневр не удался. Боковым зрением я заметил, что она смотрит на меня, ожидая визуального контакта.

Я посмотрел ей в глаза. В них стояли слезы.

– Извините, – сказала девушка. – Я, наверно, очень громко разговаривала.

– Ничего, – выдавил я. Других слов не нашлось. Кто я, собственно, такой, чтобы говорить какие-то слова? Случайный свидетель, не более. Однако странное чувство овладело мной. Не скажу, что незнакомое, но – неожиданное. Мне стало стыдно перед этой девочкой, будто я – тот самый непонятливый папа, оставивший ребенка один на один с проблемой, решить которую она не в состоянии в силу возраста и недостаточности опыта. Хоть и хватка у девочки – дай Бог иному взрослому.

Я покраснел. Отвел глаза, стал смотреть на гигантское табло с расписанием поездов, висевшее над широкой лестницей, ведущей к нам на второй этаж. Пробежался сверху вниз по списку. Ни одного поезда ни из Адлера, ни в Адлер.

Как все запущено.

Где-то мой сынуля сейчас? Думает ли обо мне? Нуждается ли в совете? Не припомню ни одного нашего с ним разговора, где бы он от всего своего маленького сердца пожелал мне хорошо выспаться или вовремя покушать. Все как-то дежурно, для галочки и под неизменный аккомпанемент маминых инструкций, звучащих на заднем плане. Не припомню, чтобы хоть раз довелось услышать сольное выступление мальчишки. Чем он занимается? О чем думает ночами (кроме одного известного дела, очень популярного у подростков его возраста)? Ходит ли в какую-нибудь секцию? Ничего о нем не знаю, к стыду своему.

«Второй папа», правда, у него пока не завелся, хотя я не могу этого знать наверняка. Может, кандидаты какие-то и появляются на горизонте, но сейчас мне вот что интересно: пойдет ли мой сынуля за советом ко мне, когда рядом, на расстоянии вытянутой руки, есть адекватный мужик (я очень надеюсь, что адекватный, потому что всей душой желаю Верке счастья, она его вполне заслужила; уверен, что и она желает мне того же, несмотря на все плохое, что между нами было и что разрушило наш внешне благополучный брак)?

Нет ответа. Мой мальчик не подпускает меня так близко, чтобы попытаться его понять.

Девушка, между тем, присела в кресло, открыла, наконец, свою неподдающуюся сумочку, вытащила косметичку, ста-

ла приводить в порядок личико. Я наблюдал за ней украдкой, отмечая, что и она старается не выпускать меня из виду. Мне бы, по-хорошему, встать и уйти, чтобы не смущать ее, но я сижу. Не могу сдвинуться с места.

Девушка все время вздыхала. Опускала и поднимала зеркальце, посылая в мою сторону солнечных зайчиков. Глядела по сторонам. Кажется, хотела что-то спросить или ждала моей реплики. У меня от волнения похолодели пальцы.

Я повернулся. Выдавил вопрос раньше, чем успел задуматься о его уместности:

– С вами все в порядке?

Девушка выглядела уставшей. Пожала плечиками. Я подумал, что лет через пять-десять она будет невероятно красива и сведет с ума не одного мужчину, причем не только внешностью, но и «внутренностью».

– Не знаю, – сказала она. – Но неважно.

Я двинул бровями: дескать, спорить не буду.

Она убрала косметичку в сумку. Застегнула куртку. Поднялась. Мне отчего-то стало жаль с ней расставаться, хотя «знакомство» наше едва ли продолжалось десять минут.

Перед уходом она задержалась. Взглянула на меня. В этот короткий миг мы оба почувствовали сопричастность. Во всяком случае, я – почувствовал.

И она подтвердила мои домыслы.

– До свидания, – сказала девушка. Дождавшись моего ответного кивка, направилась к лестнице.

«Удачи, юная леди», – подумал я.

Безотцовщина. Безматерщина. Бич нашего времени. Впрочем, только ли нашего? Можно подумать, у отцов и дедов дела на семейных фронтах складывались лучше. Где ни копни – разводы, вторые-третьи браки, вечный неразрешаемый конфликт. Настоящая жизнь, а не рекламный ролик куриного бульонного кубика, избавляющего большую дружную семью от голода. Что значат эти телевизионные семейные ценности? Белозубые улыбки, кислотные цвета, макияж и эффектно падающее в кипящую кастрюлю семейное счастье размером три на четыре сантиметра… картонные декорации.

Увы, настоящее искусство исследует другие области взаимоотношений. Счастливые люди ему не интересны. Как говаривал классик, все счастливые люди одинаково скучны, их поросячьего визга хватает лишь на минуту рекламного времени, а подлинная драматургия складывается у людей, имеющих проблемы…

…Моя любимая, с которой я познакомился в сети (и которая, как вы уже поняли, впоследствии сбежала), тоже росла в относительно неполной семье, но только с матерью. Отец умер несколько лет назад, не оставив после себя даже приятных воспоминаний. Точнее, они были, эти воспоминания, но какие-то однобокие: стоящий у крыльца винного магази-

на мужчина, с надеждой глядящий куда-то вдаль.

«Чем-то напоминал Ассоль, ожидающую появления на горизонте алых парусов, – писала она мне в аське однажды вечером. – Он стоял рано утром на краешке крыльца и пожирал глазами каждого, кто входил в магазин. То ли рассчитывал на подаяние, то ли просто завидовал счастливым людям, способным заходить в алкомаркет твердой уверенной походкой, не суетясь, не трясясь над мелочью, зажатой в кулаке, которой должно хватить на «мерзавчик» или хотя бы бутылочку дешевого местного пива. Я лишь однажды увидела воочию эту картину и запомнила на всю жизнь.

Мама мне позвонила и сказала, что отца нет дома уже два дня. Я подъехала рано утром к магазину (он в паре домов от нашего) и сразу увидела его… убогого, краснолицего, несчастного, жаждущего опохмелиться. Наверно, у него не осталось ни копейки, хотя иногда ему удавалось, когда мама зазевается, получить всю пенсию на руки. Друзья-собутыльники тоже куда-то подевались (а может, Господь услышал мои молитвы, и друзья-собутыльники покинули его). В общем, ничего несчастнее в своей жизни я не видала. Я сидела в машине, смотрела на него и плакала. Ревела просто навзрыд, а он все это время стоял на крылечке, смотрел куда-то, ждал чего-то… и даже не узнал ни мою машину, ни меня в ней.

В то самое утро я, наверно, осознала, чего была лишена почти всю свою жизнь. Отец всегда был рядом… но его

не было *со мной*. Я не могла рассчитывать на него – на его дельный совет, сильное плечо, кулаки, способные защитить, на его юмор типа «не волнуйся, козюлька, все будет хорошо». Я не могла похвастаться им перед одноклассниками, стеснялась, когда папа изредка выбирался на родительские собрания, нацепив свой старый костюм. Я его отчаянно и безотчетно любила, как могут любить только дети… и ненавидела за то, что он не герой, на которого хочется молиться, а бесхребетный, бесхитростный, потерянный, нелепый, несчастный и упрямо не принимающий помощи.

Но сейчас мне его не хватает.

Когда он умер, я молчала. Три дня не могла говорить ни с кем, лишь с мамой обменивалась ничего не значащими фразами. Мама в те дни тоже не выдавила ни слезинки. Мы прекрасно поняли друг друга по одним только взглядам, но не осмеливались произнести вслух то, о чем ныла душа. Его убогая жизнь и нелепая смерть (он замерз, упав в сугроб в соседнем дворе, когда ударили крещенские морозы) не требовали комментариев и стенаний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.